

3.1 употребление эллиптических предложений: „*Sturt keinen groYen Geist*“ (Пустяки, дело житейское). В данном примере опущено указательное местоимение *das* в начале предложения. В следующем примере „*Ich hoffe, er kommt wieder*“ опущен союз *dass*. Без опущения союза предложение выглядело бы так: „*Ich hoffe, dass er wieder kommt*“.

3.2 вводные слова, не несущие смысловой нагрузки. Например: „*Der Held, der ist ja so forsch*“, *versicherte Karlsson*. „*Schnell wie ein Habicht, ja, wahrhaftig, und mutig und stark und schun und ziemlich dick...*“ (Герой, который очень быстрый, – заверил Карлсон. – Быстрый, как ястреб, да, действительно, и смелый, и сильный, и прекрасный, и в меру упитанный...). В данном случае слова *ja, wahrhaftig* не несут смысловой нагрузки; без них смысл не теряется.

3.3 нарушение порядка слов: „*Es hat nicht geholfen gegen das Fieber*“. В норме такая структура предложения требует постановки основного глагола в конец предложения: „*Es hat gegen das Fieber nicht geholfen*“.

3.4 обрыв предложений, когда мысль не договаривается до конца: „*Das war nett, dass du gekommen bist*“, *sagte Lillebror*, „*wenn auch die Dampfmaschine...*“ (Хорошо, что ты прилетел сюда, – сказал Малыш. – Но паровая машина...). В данном случае, как мы видим, предложение обрывается: „*Wenn auch die Dampfmaschine...*“ Если бы предложение не оборвалось, оно могло бы выглядеть приблизительно так: „*Wenn auch die Dampfmaschine explodiert ist*“. То есть из контекста высказывания ясно, что в незаконченном предложении речь идёт о том, что паровая машина взорвалась.

3.5 наличие междометий в предложениях. Междометия используются для оживления речи. Например: 1. „*Ach was, das sturt keinen groYen Geist*“ (**Подумаешь!** Это пустяки, дело житейское!). Междометие *ach* в данном случае используется для усиления призыва к спокойствию, более убедительного внушения мысли, что волноваться не стоит. 2. „*Hmmja, ich muss sie erst mal ein biYchen nachsehen*“, *sagte Karlsson*. „*Das Sicherheitsventil kontrollieren und dergleichen*“. В данном примере междометие *hmmja* используется как показатель сомнения Карлсона (**Нуу**, я должен их немного проверить, предохранительные клапаны и тому подобное).

Заключение. Опираясь на вышесказанное, можно сделать следующий вывод: в немецком переводе повестей о Малыше и Карлсоне преобладает разговорный стиль повествования. Наиболее частое явление – фонетические отклонения (выпадение звуков и т. д.); часто встречаются слова-отговорки, слова с пониженной стилистической окраской. Также имеет место нарушение порядка слов в предложениях, обрывы предложений. Кроме того, наблюдается обилие частиц-усилителей. Междометия – не очень частое явление в проанализированных нами повестях.

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Шаколо А.В.

*молодой ученый ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Маслова В.А., доктор филол. наук, профессор*

Творчество Л.Н. Толстого как писателя мирового уровня представляет собой неисчерпаемый кладезь для исследований в самых разных направлениях, учитывая разносторонность личности автора, широко известного не только русскоязычному, но и зарубежному читателю, равно как и немеркнущую злободневность рассматриваемых им тем.

Цель исследования – проанализировать изображение разных по своей природе ситуаций межкультурной коммуникации в романе-эпопее «Война и мир» в их тесной взаимосвязи с идеями, красной нитью прошедшими через данное произведение Льва Толстого.

Материал и методы. Материалом исследования является текст романа «Война и мир» Л.Н. Толстого. Методы, использованные в нашем исследовании: описательный, индуктивный, сопоставительный, контекстный анализ.

Результаты и их обсуждение. Учитывая масштаб эпического полотна Льва Толстого, не представляется возможным отрицать изображение различных вариантов межкультурной коммуникации в романе «Война и мир», что подтверждается конкретными примерами. Показателен в данном отношении отрывок, в котором юнкер Николай Ростов, вернувшись с утренней

фуражировки, испытывает взаимное чувство братской любви по отношению к местному жителю, взявшего его вместе с эскадронным командиром на постой: «Хозяин-немец, в фуфайке и колпаке, с вилами, которыми он вычищал навоз, выглянул из коровника. Лицо немца вдруг просветлело, как только он увидел Ростова. Он весело улыбнулся и подмигнул: “Schcn, gut Morgen! Schcn, gut Morgen!” [Доброе утро! Доброе утро!] – повторял он, видимо, находя удовольствие в приветствии молодого человека. “Schon fleiЯig!” [Уже за работой!] – сказал Ростов все с тою же радостною, братскою улыбкой, какая не сходила с его оживленного лица. „Hoch Цsterreich! Hoch Russen! Kaiser Alexander hoch!“ [Да здравствуют австрийцы! Да здравствуют русские! Ура император Александр!] – обратился он к немцу, повторяя слова, говоренные часто немцем-хозяином.

Немец засмеялся, вышел совсем из двери коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал: “Und die ganze Welt hoch!” [И да здравствует весь свет!] Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: “Und vivat die ganze Welt!” Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись – немец в коровник, а Ростов в избу, которую занимал с Денисовым...» [1, с. 158] На примере вышеприведенного отрывка можно легко наблюдать как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, что подтверждает неподдельность чувств абсолютно незнакомых людей, сплотившихся перед лицом общего недруга. Следует отметить явную антитезу приземленного и возвышенного в данном отрывке: коровник, сено – чувство «братской любви» и «счастливого восторга», способное объединить даже тех, у кого, на первый взгляд, не может быть ничего общего (разные языки, страны, культуры, менталитет, происхождение, окружение, возраст, социальный статус и пр.).

Аустерлицкое сражение, несомненно, сыграло судьбоносную роль в жизни и мировоззрении Андрея Болконского, который, как известно, до момента короткой встречи с самым известным за всю историю корсиканцем желал (равно как и многие современники князя) повторить его подвиг, обретя таким образом «свой Тулон», причем не на словах. (В подобной связи следует, разумеется, учитывать потрясение, разочарование, прозрение героя и вместе с тем очередной символический контраст образов неба над полем Аустерлица и самодовольного, тщеславного человечка (чей голос сравнивается с жужжанием мухи, см. цитату ниже), который прежде так долго был кумиром князя, образцом для подражания, ориентиром.) Озарение подтверждается следующим фрагментом, вновь изобилующим противопоставлениями (ср. также название романа): «Те мечтания об отце, жене, сестре и будущем сыне и нежность, которую он испытывал в ночь накануне сражения, фигура маленького, ничтожного Наполеона и над всем этим высокое небо, составляли главное основание его горячечных представлений. <...> Он уже наслаждался тем [спокойным семейным] счастьем, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение. К утру <...> хаос и мрак беспамятства и забвения <...> гораздо вероятнее, по мнению самого Ларрея, доктора Наполеона, должны были разрешиться смертью, чем выздоровлением» [1, с. 359].

Послужить причиной столь резкой переоценки ценностей могла бы лишь одна намеренно брошенная фраза, которую Бонапарт считал, судя по тексту, изящной ремаркой к увиденному им безжалостному и беспощадному (но не для него, считавшего поле битвы шахматной доской!) кровопролитию в целом и князю Андрею, которого на тот момент считал павшим воином, в частности (несмотря на ранение, русский дворянин XIX-ого века, разумеется, не мог не понять изречения на французском): «“Voila une belle mort,” [Вот прекрасная смерть] – сказал Наполеон, глядя на Болконского. Князь Андрей понял, что это было сказано о нем, и что говорит это Наполеон. Он слышал, как называли sire того, кто сказал эти слова. Но он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи. Он не только не интересовался ими, но он и не заметил, а тотчас же забыл их. Ему жгло голову; он чувствовал, что он исходит кровью, и он видел над собою далекое, высокое и вечное небо» [1, с. 356–357]. Насколько можно судить по данному отрывку, отсутствие языкового барьера между участниками коммуникации не позволило им понять позиции друг друга, так как они оказались абсолютными противоположностями относительно понимания ценности человеческой жизни.

Этим и объясняется не только оставленный Болконским без ответа вопрос французского императора (ср. предательски подобострастные ответы полковника Репнина и поручика Сухтелена), но и значительные изменения в жизни и взглядах князя, последовавшие за этим событием: герой сделал свой выбор.

При сравнении двух ситуаций (взаимное единение Николай Ростова с простым немцем и неприятие Андреем Болконским «бывшего» идеала в лице французского полководца), очевидно различие прежде всего в человеческих характерах, взглядах, принципах, которое, судя по второму примеру, способно нивелировать даже знание языка и культуры другого народа. В случае же с Ростовым у обоих были общие цели, интересы и напроочь отсутствовала причина, по которой один из участников коммуникации мог бы испытывать неприязнь к другому. В современном мире следствием подобных разногласий являются конфликты разного уровня и масштаба, которых, на наш взгляд, удалось бы избежать лишь при условии поиска разумной альтернативы и взаимотерпимости сторон; последнее, к сожалению, соблюдается далеко не всегда.

Заключение. Таким образом, приходим к следующему выводу: на основе текста романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» в силу масштаба эпического полотна можно найти множество разноплановых ситуаций межкультурной коммуникации, которая, в свою очередь, тесно переплетена у Толстого с темами гуманизма, единения всех народов и идеей братства всех людей на земле, ни на мгновение не теряющих своей актуальности и в наши дни.

1. Толстой, Л.Н. Война и мир: Роман в четырех томах / Л.Н. Толстой. – М.: Эксмо, 2008. – Т. I–II. – 736 с.

РЕЧЕЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Шень Биньбинь

*аспирант Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

Научный руководитель – Зайцева И.П., доктор филол. наук, профессор

Русская художественная классическая литература – на что представители различных гуманитарных сфер также указывали неоднократно – всегда уделяла большое внимание проблемам общения между людьми, подчёркивая, насколько важно любому человеку вести себя так, чтобы вся передаваемая им информация воспринималась другими максимально полно и без особых усилий. Безусловно, проблемы эффективной и качественной коммуникации осмысливаются в словесно-художественных произведениях прежде всего с эстетических позиций, в различной форме, но именно это и придаёт им особо действенный характер, позволяет читателю полноценно усваивать переданную путём образной конкретизации.

Цель настоящей публикации – анализ случаев употребления в известной повести Л. Н. Толстого «Детство» стилистически маркированных речевых форм, обладающих и несомненной лингвокультурной значимостью. Анализ осуществляется в сопоставлении семантики и функций этих элементов художественного текста с их аналогами в современном русском литературном языке.

Материал и методы. Исследование выполнено на материале повести Л. Н. Толстого «Детство»; при выполнении были использованы методы: наблюдения, описательный, сравнительно-сопоставительный и метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Лингвисты не раз отмечали яркое (хотя и имеющее в разных культурах неодинаковую степень проявления) национальное своеобразие речевого этикета, его выраженную этнокультурную и соответственно лингвокультурную и лингвистическую значимость. Например, один из самых известных специалистов в этой области, Н. И. Формановская, замечает: «В речевом этикете ярко проявляется национальная специфика речевого поведения. Национальная специфика речевого этикета – составного элемента фоновых (обусловленных национальной культурой) знаний – связана с устойчивостью формул и выражений, большим количеством фразеологических, пословично-поговорочных стереотипов» [5, с. 578].

Другой специалист в области речевого этикета, А. Г. Балакай, автор одного из немногих лексикографических источников по речевому этикету, обращает внимание на огромный потен-